

“У слабых духом есть порочность вести дневник” (кто-то из великих). Такую цитату можно прочесть в книге Валерия Золотухина о Владимире Высоцком. Он адресует эти слова себе. Не унижаясь, просто констатируя факт. Вести дневник – его многолетнее повседневное занятие. Укладывает в строки историю своей души. Теперь позволяет чему-то выйти в свет. Обнаружил некоторые жизненные впечатления. Оказалось, для других биографий имеющие принципиальное значение, потому что писались для себя, в стол, а значит, предельно честно и бескомпромиссно.

душим и незаменимым исполнителем. Он рвался и срывался, впадал в тоску и... вытягивал себя из глубокого распада, вновь заострял слух. Его влекла (и слава Богу!) другая стихия, опять же есенинская: как выразил тот в автобиографии, “...некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад”.

Золотухин “переделывал на свой лад” грубую таганковскую действительность. Искал поддержки на стороне, в тех “сказках” нашей повседневности, что нежданно-негаданно вдруг открывались взору, вызывая душевное движение к добру и свету.

Вот и “Анна Снегина” в его исполнении представляет поэта, известного лихой славой, совсем в ином ключе.

Кровавые – сшибки меж деревьев, грозные, ультимативные ходки к барышням, отбаринованным свой век, и вновь войны между собой, бело-красный террор, бело-красное кровопролитие. Муть, мусор, нечистоты помыслов на гребне “благородного” подъема народной идеи справедливости саму идею превращают в преступную амбицию, разрушая естественную жизнь естественного человека. “Расея... Дуровая зыкь она”.

Но Валерий Золотухин не для того выбирает “Анну...”, чтобы лишний раз ткнуть современника в дерьмо расейской действительности. Его греет идея святого в душе русского человека. Ему потребно отстоять надежду на выход из мрака. И Анна Снегина как персонаж недавней русской истории становится его путеводной звездой.

Таганский рыцарь есенинского образа

Мы многое сегодня узнаем, многое предстает в новом свете. Удивляемся несовершенству нашего (воспитанного, выдрессированного) слуха, когда перечитываем ныне давние поэтические строки Блока, Пастернака, Маяковского, Есенина, которые привыкли (или нам внушили привычку) воспринимать как гимн российской вольнице семнадцатого года. А сегодня открываем боль и горечь современников, интуитивно угадавших в вольнице смуту.

Многое нынче переключается.

*Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!*

Пожалуй, эти есенинские строки как нельзя более применимы к нынешнему ощущению жизни. Только “задрать штаны, бежать за комсомолом” уже совсем не хочется.

О ком я? О “слабых духом”.

Валерий Золотухин создал спектакль: Есенин, “Анна Снегина”. По видимости – к 100-летию поэта. По сути – давая отбой самим же себе приписанному “пороку”. Последние годы ему досталась нелегкая участь: быть камертоном и буфером таганковских перипетий, возникших в русле нашего “общественного пробуждения”. История известная. Для многих. Золотухин же от нее как будто устранился. В том его упрекали и те и другие. А он (пусть в ином контексте, но вполне по-есенински) нипочем не хотел драться, “был первый в стране дерзтир”. Когда же мир разрушили до основания, и некогда мощный, звучный театральный организм взаимными усилиями был превращен в пепелище, неожиданно, и как бы нечаянно, именно Валерий Золотухин взял на себя обузу тянуть повозку с остатками таганковского театрального скарба. Вновь обезглавленный, обезноженный, изможденный дурной войной театр, он, артист и только артист, взвалил на свои не слишком мощные плечи – собой, своим актерским талантом прикрывая и удерживая от опустошения таганковский репертуар; собой, своей человеческой устойчивостью помогая усталой труппе не потерять ощущение коллектива.

Да, наверное, пришло прозрение. И там и здесь любой, явно ли, тайно, мог выразить свое состояние опять же по-есенински конкретно:

*Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я – игрушка...*

Золотухину нечего было понимать. Он – работал. Для “передовой общественности” – незаметно. Для себя – бешено, упорно. Писал и выпускал книги. Готовил и показывал моноспектакли. И в уцелевших спектаклях Таганки оказался ве-

Ирина СИЛИНА

Как ни странно, через “Анну Снегину” Золотухин определил мотивы движения русского “бродильного” характера, приведшего ныне кого-то к внутреннему тупику, кого-то к нольному стоицизму. Быть может, нечаянно, быть может, сознательно, есенинская поэма оказалась спроецирована на сегодняшний день таким образом, что ситуация нравственной неразберихи, которую мы все переживаем, получила вполне конкретное объяснение. Если вспомнить знаменитую фразу поэмы:

“Скажи,
Кто такой Ленин?”
Я тихо ответил:
“Он – вы!”...

– то в золотухинском прочтении абсолютно ясно, что Есенин вкладывал в этот афоризм отнюдь не лицеприятный смысл. В мужичье, пробудившемся к “новой жизни”, проснулась и темная страсть к переделу – под себя, под свой эгоистический и беспощадный интерес. И этот бес внутри заводит и диктует наглядный поток решительных действий. Перекройка “достоиния республики” идет не по справедливости, а по склонности к разномасштабному разбою. Бесконечные –

Чтобы выжить – надобно искать в себе потребность к животворению. Только так.

Наверное, потому (а не только к 100-летию поэта) затеял Валерий Золотухин этот праздник на старой Таганке. И отыскал соратников. Яблоки из села Константиново и чай с баранками (пей – не хоч!) – это для пришедших зрителей как бы маленькая, приятная и удивительная на сегодня, прелюдия. А дальше...

Поднялись в фойе на втором этаже и – окунулись в чудный мир. Странные поначалу деревянные скульптуры Владимира Тишина будто примагничивают, увлекая диковинной текучестью форм. Дерево, а течет. И названия (у этих поделок, рукоделий, созданий – не знаешь, как обозначить эти вышедшие из-под человеческих рук обработки природы) замечательные: “Летающие ангелы”, “Чудный сон о рыбе”, “Грустный король”, “Река”.

А вокруг, по стенам и на колоннах, ликующие фантазии Игоря Соби, картины, шитые из лоскутов разноцветной кожи, озорные и нежные (опять – нежные!) ориентиры собственной страны “Собикколлы”, где пируют на празднике Жизни разные-разные “птицы-небылицы”.

Где лукавые глаза коровы-молочницы раздвоились, втянув в свое отражение один – зеленую благодать земной тверди, другой – заманчивый перелив космического тумана.

Где доверчивый кораблик завис между солнцем и луной, с достоинством обогреваемыми тихий океан.

Где лупоглазые петушки дерутся играючи, пробуя не мощность мышц, а полетность крыльев.

Где дух искрится, вкушая бытие как чудный дар, дорогой и естественный одновременно.

А на сцене сопровождает стих поэта и глас артиста залихватистый, нежный (опять – нежный!) звук балалайки.

Удивительное рукотворчество Юрия Кондратьева! То вторит ласковыми переборами есенинско-золотухинским выгласкам души, и актерская удаль, и актерская грусть проступают на этом фоне зримо, ярко, чувствительно. То снимает напряжение, захватывает первенство: озоруя “стаккатами” звук или играя со звуками и с балалайкой, как с приятелями, – в поддавки и впергонки (да невозможно это описать – невиданно!)

Валерий Золотухин нашел соратников в нашей жизни, среди нашей кутерьмы. Тем отстоял и укрепил себя.

Наш век морального мародерства требует недюженной силы духа.

Таковой природно обладают только блаженные. Блаженные – вовсе не в уничижительном смысле слова. Блаженность, благодать, благо, благодать. “Блажен, кто посетил...” – писал некогда российский поэт и складывал в это определение самый уважительный смысл.

Отстоять сей уникальный дар, отыскать в себе хотя бы его зародыш – наверное, в этом и есть выход из нашего тупика.